

Александр Древин в «Новом Эрмитаже»

Приветствие расстрелянному

Сергей Сафонов

По стенам московской галереи с парадоксальным названием «Новый Эрмитаж» развешены холсты Александра Древина (1889–1938), в витринах — его же графические работы разных лет. Но не однодневная персональная выставка, устроенная на основе нескольких частных собраний, послужила поводом для аншлага, случившегося здесь вечером минувшего понедельника. Издательства «Галарт» (бывший «Советский художник») и «РА» («Русский авангард») на фоне камерной экспозиции презентовали свой совместный труд — книгу Вероники Стародубовой «Александр Древин».

«Книга могла быть разной, — говорит главный редактор «Галарта» искусствовед Александр Морозов. — Было два пути: рассказывать трагичную историю жизни великого художника или создавать ему памятник». Выбран второй, притом что сама история издания достойна отдельного описания. Рукопись впервые оказалась в издательстве еще в советские времена, в дело не пошла, но сохранилась благодаря Андрею Сарабьянову, возглавляющему ныне «РА», и недавно повторно попала к издателям. Многие теперь изменилось. Имя и искусство Древина не только перестали считаться неблагонадежными, но получили полноценный музейный сертификат: два года назад ретроспектива художника была показана Третьяковкой.

Выставку в ГТГ сопровождал каталог, однако нынешнее

Произведения художника сегодня хранятся в главных российских музеях (Александр Древин. Косуля. 1930–1931. Государственная Третьяковская галерея)

В ночь на 18 февраля 1938 года художник был арестован, а 26 февраля расстрелян (Фотография Александра Древина из его следственного дела. 1938)

232-страничное издание предлагает заново рассмотреть феномен этого большого мастера с непростой биографией. Учителем уроженца бывшей Лифляндской губернии (сегодня это Латвия) Древина (Древиньша) был знаменитый академик-пейзажист Вильгельм Пурвит. С началом Первой мировой войны он не только перебрался из Риги в Петроград, но сумел вывезти с собой нескольких учеников (среди них был Рудольф-Александр). На питерской выставке 1915 года латышские художники впервые предстали как объединенная национальная группа, но подлинное признание ждало Древина все-таки на выставках, устроенных в русле исканий российских художников начала XX века.

«Приветствие творцу Древину за широкие свободные композиции цветowych масс!» — восклицала газета «Анархия» в мае 1917 года. Созданный вскоре Комиссариат по латышским национальным делам привлёк «товарища Древиня» для организации художественной секции. Сотрудничество с Давидом Штеренбергом при организации Музея современного искусства в Москве, знакомство и совместное участие в выставках с Малевичем, Клюном, Удальцовым, Родченко и другими создателями нового искусства ввело Древина в контекст российской художественной жизни. Он участвовал в выставках, был профессором Вхутемаса, путешествовал по Уралу и Алтаю. Привезенные из таких поездок виды долины реки

Чарыш, горные пейзажи, композиции с косулями и газелями, всадники и купальщицы составили мир его живописи, исполненной свободной кистью и лишённой сиюминутности.

Изначальная принадлежность латвийской культуре сыграла печальную роль в судьбе Древина. Банковское здание на Смоленском бульваре было выстроено в середине 1920-х на средства латышского культурно-просветительского общества «Прометей», созданного с целью «издавать и распространять литературные, научные и художественные издания, преимущественно на латышском языке, и вообще вести культурно-просветительскую работу среди латышей». Общество действительно

существовало на доходы от продажи книг, производства логарифмических линеек и т.п., устраивало выставки и концерты.

Первым был арестован художник Густав Клуцис — ему инкриминировали найденные и принятые за фашистскую свастику изображения «огненного знака» (присутствующие, кстати, и в русских орнаментах). Судьба других участников «Прометей», также подвергнутых репрессиям, не миновала и Древина: в 1938 году он был обвинен в контрреволюционной деятельности и сгинул в застенках НКВД. Часть произведений пропала во время ареста; многое сохранилось под видом работ жены, знаменитой «амазонки авангарда» Надежды Удальцовой.